

ПОВЕСТВОВАНИЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»: РЕЖИМ ЧТЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме в отечественном литературоведении рубежа XX–XXI вв. – современному прочтению итогового произведения классика русской литературы XX века М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Объект изучения – эпопея М. Горького, созданная в 1927–1936 гг. Анализ проводится сквозь призму нового прочтения повествования «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)». Воспроизведение «хода русской истории» позволило писателю изобразить и осмыслить русский мир на рубеже XIX–XX вв. Эта задача потребовала от М. Горького новой стратегии письма. Автор статьи выдвигает гипотезу, согласно которой, рефлексирующий тип героя (Самгин) диктовал писателю определенные условия, включающие особый способ повествования и принципы организации создаваемого текста эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Обращает на себя внимание книжность и необыкновенная насыщенность повествования интертекстуальными приемами (цитаты, реминисценции, аллюзии и др.) Помимо эпопейного сюжета о революционной эпохе, в многообразии сюжетных линий существует текст-основа – грандиозное «здание» – из многих текстов предшествующей мировой литературы. Интертекстуальное поле представляет собой «книжный поток» – от древнейших литературных памятников (древние русские летописи, литературные памятники, финский эпос «Калевала», русский фольклор, современные сказители (Федосова) – до западноевропейской поэзии и философских трудов рубежа XIX–XX вв. Названные аспекты обусловили необходимость исследования проблемы, обозначенной автором статьи как «режим чтения» эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Методология статьи строилась на комплексном сочетании таких методов, как биографический, историко-литературный, типологический, с методами изучения интертекстуальных связей.

Ключевые слова: русская литература, XX век, М. Горький, эпопея, «Жизнь Клима Самгина», интертекстуальность.

Введение

В 2010-е годы отечественное литературоведение, горьковедение в частности, ставит новые цели и задачи, отвечающие реалиям развития науки о литературе на современном этапе. В новом глубоком прочтении нуждается творческое наследие Максима Горького – выдающейся исторической личности, русского писателя-классика XX века.

По сравнению с периодом конца века в настоящее время изменилось представление о степени изученности основных произведений М. Горького, об уровне осмысления его литературно-критического и публицистического наследия. И, если ранее считалось, что М. Горький изучен в полной мере (произведения изучаются по школьной и вузовской программе), то в наши дни ученые констатируют прямо противоположное – слабую изученность целых «пластов» прозы писателя. Прозаические произведения М. Горького, представляющие картину русской жизни на рубеже XIX–XX веков, по сложившейся традиции называют романами («Дело Артамоновых» и др.), однако с точки зрения некоторых исследователей романного жанра, горьковские прозаические творения романами не являются [9, с. 805]. «Жизнь Клима Самгина» создавалось с 1927 по 1936 годы, то есть в зрелый период, когда у писателя уже имелся значительный опыт работы в большой эпической форме. Исследователю и интерпретатору этого итогового произведения необходимо рассмотреть, в первую очередь, предшествующий опыт – целого столетия изучения творчества классика и учесть основные тенденции изучения эпопеи, сложившиеся в горьковедении XXI века.

Об огромном интересе широкого круга читателей и исследователей к творчеству выдающегося писателя свидетельствует издание юбилейной антологии «Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс», подготовленной в 2018 г. к 150-летию со дня рождения писателя в серии «Русский Путь» издательства «Русская христианская гуманитарная академия» [9, с. 805]. Названная антология, уже вторая (первая вышла в 1997 г.) представляет грандиозный свод самых значительных работ в отечественном и мировом горьковедении. Ее цель, как следует из аннотации, видится составителям не столько в аккумулировании и систематизации исследований, сколько в том, чтобы, представляя «историю отношений к творчеству Горького в России и за рубежом вплоть до современности», выступить «репрезентативным зеркалом трансформаций отечественной культуры» [9, с. 4].

В названии данной статьи акцентируется проблема прочтения и осмысления содержания «Жизни Клима Самгина», по авторскому определению, «повести» в четырех частях. Речь пойдет о подготовленности современного читателя к восприятию масштабного повествования. Понятие «режим

чтения», включенное в заголовок статьи, непосредственно связано с терминологическим аппаратом поэтики интертекстуальности.

О сложности чтения М. Горького можно судить по разносторонности новейших исследований. Вот лишь некоторые из тем и сфер изучения эпопеи «Жизнь Клим Самгина»: нищепанские мотивы в повести «Жизнь Клим Самгина» [13]; творческий метод М. Горького («социалистический реализм», «импрессионистический психологизм»); философия (Горький и эмпириомонизм (А. Богданов); религия (Горький и христианский гуманизм); философия истории; Горький как миф [7]; эстетика (категория трагического в произведениях Горького) [9] и т. п. Специалисты единодушны в признании того факта, что последний горьковский роман стал ярчайшим явлением новой интеллектуальной прозы XX века. Однако напомним: М. Горький изначально создавал свое «детище» не для чтения интеллектуальной элиты, его усилия были сконцентрированы на ином предмете. Современный исследователь жанра эпопеи обращает внимание на слова писателя в его письме к С. Цвейгу в 1925 г.: «*Сейчас я пишу о русских людях, которые, как никто другой, умеют придумывать свою жизнь, придумывать самих себя*» [5, с. 795]. Полагаем, произведение о «русских людях» писатель адресовал именно русским людям, широкому кругу отечественных и зарубежных читателей, ибо писатель не скрывал, что сознание главного героя Самгина европеизировано.

В наше время не утратил своей актуальности комментарий, выполненный в 1979 г. известными горьковедом: Н. Н. Жегаловым, И. И. Вайнбергом, М. М. Пешковой, М. А. Семашкиной, А. Д. Смирновой, И. И. Соколовой, В. Ю. Троицким¹. В основании использованного нами комментария к «Жизни Клим Самгина» 1979 года лежит более ранний труд работавших над текстом эпопеи литературоведов – под научным руководством профессор А. И. Овчаренко (к изданию: М. Горький. Полн. собр. соч., том XXV). Исследователю необходимо в первую очередь определить позицию в спорах о жанре «Жизни Клим Самгина».

Остроту вопроса ощущал и сам М. Горький. Его обозначения жанра постоянно колебались в диапазоне: «роман», «русский роман», «хроники» [5, с. 795–796]. Специалисты подчеркивают стремление писателя придать своему повествованию грандиозный масштаб – «роман века» (Л. А. Спиридонова) [5, с. 796]. Мы также согласны с тем, что на М. Горького повлияла современная ему литературная ситуация, ведь именно для периода 1920 – начала 1930-х годов характерен напряженный жанровый поиск именно в области романной формы. Однако в силу новизны, «зыбкости» переживаемого исторического периода – революционного, стихийного, форма классического романа либо не использовалась, либо индивидуально трансформировалась писателями. Но в любом случае в революционное и послереволюционное время в русской литературе преобладали романы-хроники [2, с. 74]. М. Горький вынужден был вести повествование в «Жизни Клим Самгина», порой не уточняя жанровую характеристику (о различных жанровых характеристиках пишет Т. Р. Гавриш: «причем на определенных этапах работы над книгой их вообще могло не быть, а сам автор ограничивался упоминанием о тематике произведения» [5, с. 796]). Понимание жанра «повесть» у М. Горького было авторское, его манила «даль свободного романа»: «... тем не менее, писал повесть, что было обусловлено в первой половине 1920-х годов <...> тяготением русской прозы к повести как основной эпической форме» (Т. Р. Гавриш) [5, с. 802]. Современные исследователи не удовлетворены нерешенностью вопроса о жанре «Жизни Клим Самгина», поэтому жанровая проблема не уходит из новейших разработок в горьковедении. Сторонники «нероманной природы» эпопеи М. Горького ссылаются на авторитетное мнение И. К. Кузьмичёва о несоответствии роману больших произведений писателя: они «... по своему содержанию и структуре во многом не отвечают нормам классического романа». Отвергая любовь и случай в качестве основных движущих сил художественного мироздания, исследователь говорит о «властном дыхании истории, пронизывающем эпос Горького» (В. С. Воронин) [9, с. 805]. Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью в современной интерпретации произведения М. Горького «Жизнь Клим Самгина». Целью является анализ проблемы «режим чтения» эпопеи «Жизнь Клим Самгина».

1. Характеристика исследования

В центре произведения М. Горького Клим Иванович Самгин – герой-интеллигент. После рево-

¹ Горький М. Собр. соч. в 16 тт. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М.: Изд-во «Правда», 1979. Т. 11: Жизнь Клим Самгина (Сорок лет): повесть. Часть первая. Примечания. С. 524–574; Т. 12. Часть вторая. Примечания. С. 628–669; Т. 13. Часть третья. Примечания. С. 372–399; Т. 14. Часть четвертая. Примечания. С. 538–559.

люции 1917 г. писатель все настойчивее говорит о значении интеллигенции в истории России, ее важнейшей роли в возрождении русской культуры и государственности. М. Горький видит в интеллигенции мощную энергию, «идею активности»: «*Эти люди, несмотря на все их недостатки, самое крупное, что создано Русью на протяжении всей ее трудной и уродливой истории, эти люди были и остаются поистине мозгом и сердцем нашей страны*»². Писатель объективен и самокритичен [3, с. 49].

В 2020-е годы для знакомства с биографией классика, кроме научных работ, читателю может быть предложена, к примеру, беллетризованная биография, написанная современным писателем Вяч. Пещухом в иронической манере [9, с. 819], или блестяще выполненная рецензия-критика рубежа XX–XXI веков Е. А. Добренко на книгу П. Басинского «Горький» (2005) [9, с. 828]. В критической «запальчивости» во втором предложении своей рецензии он предупреждает: «Скажу сразу: биография Горького – жанр почти невозможный» [9, с. 828]. Интригует не столько «заявление», сколько сама логика высказывания известного критика, представляющая огромный интерес для объективного прочтения произведений М. Горького. Почему биография М. Горького невозможна? Аргументы таковы: «...Но потому, что эта личность оказалась на переломе эпох, в абсолютно уникальной ситуации. Биография Горького для меня – это прежде всего Горький и Другие (как любил Горький называть свои произведения – «Егор Булычѳв и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»)» [9, с. 828]. Акцентируется идея «активного действия»: активный и устойчивый способ общения с «другими» – это диалог, спор. Именно в этом суть личности писателя XX века: того, что успел сделать М. Горький, «хватило бы на десятки писателей и мыслителей» [9, с. 828]. Можно предположить, что наследию М. Горького суждено быть прочитанным в каждую новую переживаемую эпоху по-своему, поэтому мы еще увидим не одно издание антологии о Горьком

Абсолютно справедлива мысль Е. А. Добренко о горьковедении, которое сравнимо «по идеологической нагруженности и мифогенному потенциалу разве что с пушкинистикой» [9, с. 829].

Можно ли провести логический эксперимент и спроецировать аргумент Е. А. Добренко (личность М. Горького всегда – в соотношении с «другими») на биографию вымышленной личности, мы имеем в виду Клима Ивановича Самгина? Идея эта не умозрительна. В поисках жанровой характеристики своего повествования с подзаголовком «Сорок лет», автор осознавал отчетливо, что поставил цель написать биографию интеллигента как биографию целого поколения русской молодежи, к которому принадлежал Самгин. Изображая главного героя в его «диалогических», полемических связях с «другими» персонажами, писатель, возможно, и сам оказался в ситуации принципиальной нерешаемости жанровой задачи, как и его биографы при составлении биографии Максима Горького: от повествователя иногда «ускользает» предмет наблюдения – сам описываемый герой. Полагаем, причины «зыбкости» могут быть различными. Одну из версий можно найти, например, в статье В.С. Воронина «Философия истории и многозначная логика в последних романах М. Горького», где в качестве причин указанного выше явления называется феномен «многозначной логики» [9, с. 805].

1.1. *Funomeza*

Аналитический обзор трудов горьковедов разных лет свидетельствует о бесчисленном количестве аспектов рассмотрения повествования «Жизнь Клима Самгина». В 1936 г. и последующие десятилетия советской эпохи книга воспринималась в контексте переживаемой социополитической ситуации. Образ интеллигента в политическом дискурсе 1930-х интерпретаторы классифицировали согласно «классовому» подходу как чуждый пролетариату «социальный элемент». Политический дискурс присутствует в статье А. В. Луначарского и последующих критиков (включая авторов ряда школьных и вузовских учебников). Похожая участь постигла пьесу «На дне» (1902), проблематика которой не была осмыслена современниками так, как понимал ее автор. Известно о глубоком чувстве «непонятости», не оставлявшем М. Горького, и последовавшем в 1933 г. субъективном выводе, что сама пьеса «слабая»³. Не отличалась от советских оценок трактовка Самгина, данная в постсоветский период в Большой энциклопедии литературных героев (2001) [6, с. 81]: литературоведу Н. Гурфинкель в Самгине все ясно: «Существо исключительно асоциальное, Клим живет в иллюзорном мире. Он не способен оценить действительность, и всякий раз, сталкиваясь с нею, изгоняется из «мира живых» <...> Горький хотел показать в образе Самгина упадок буржуазного индивидуализма» [6, с. 81]. Из нашего «далека» 2010-х годов к нелепому вердикту добавим важное замечание: «в

² Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 257.

³ Горький М. О пьесах. Статьи, речи, приветствия 1931-1933. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 26. М.: Гослитиздат, 1949. <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gorkiy-pss30-26/gorkiy-pss30-26.html#s069>

том числе и упадок буржуазного индивидуализма».

Анализа Клима Ивановича Самгина, как образа многогранного, абсолютно не исчерпывается одним лишь социологическим или даже политическим дискурсом (каким бы «современным» ни являлся он в данный исторический период). Исключительность произведения «Жизни Клима Самгина» для мировой литературы сравнима с исключительностью таких художественных творений мировой литературы, которые называют «энциклопедиями» национальной жизни.

Вслед за горьковедомы мы подходим к эпопее М. Горького именно как своеобразной «энциклопедии» русской жизни. Причем «энциклопедизм» «Жизни Клима Самгина» («жанровый» признак) проистекает не только из масштабности повествования, историзма художника-реалиста (исторической достоверности повествования), но и из поразительной, широчайшей литературной образованности М. Горького и высочайшей читательской культуры героя эпопеи. Источник «энциклопедии» – в овладении русским интеллигентом всей книжной премудростью, которая только была возможна к первой трети XX в.

Поскольку речь идет о книжности повествования, об образованности Самгина, необходимо обратиться к материалу тех частей эпопеи, в которых у героя ярко проявляется характерная книжность мировосприятия. В качестве материала для анализа мы берем преимущественно вторую часть «Жизни Клима Самгина». В комментарии указано: «Вторая часть романа «Жизнь Клима Самгина» впервые напечатана отдельной книгой: М. Горький. Собрание сочинений, т. 21, Berlin, «Kniga», 1928»⁴. На протяжении первой части главный герой растет, обретает жизненный опыт, учится, общается со сверстниками, много читает под руководством отца – Ивана Самгина, интеллигента-народника. В период студенчества круг чтения Самгина (студента Санкт-Петербургского университета) разрастается в сотни раз, читательский кругозор необыкновенно расширяется. В начале второй части Самгин предстает перед читателем образованнейшим человеком, размышляющим о «выставке всероссийского труда» в Нижнем Новгороде⁵. Окружением героя-интеллигента является провинциальная журналистская среда. Во второй части эпопеи используется жанровая модификация «роман идей» [3, с. 50].

1.2. Методология исследования

В статье использованы биографический, историко-литературный, типологический методы в сочетании с методами анализа интертекстуальных связей. Теоретической базой служат труды М. Бахтина [1], концепции горьковедов – И. К. Кузьмичева [8] и Л. К. Оляндера [11, с. 719], исследовавших «горьковскую художественно-философскую модель русской жизни», а также идеи новых теорий в области поэтики интертекстуальности: «смыслы интертекстуальности», «режим чтения», раскрытые в современной монографии по теории интертекстуальности французского литературоведа Натали Пьеге-Гро [12].

1.3. Образ библиотеки в произведении «Жизнь Клима Самгина»

О фантастической начитанности М. Горького сохранилось великое множество свидетельств современников, писатель обладал искусством скорочтения, и потому не удивительно, что начитанность автора «Жизни Клима Самгина» все больше поражает читателя по мере знакомства с художественным миром писателя и его героев.

Читатель эпопеи по воле автора становится «читателем-интерпретатором» (терминология поэтики интертекстуальности [12, с. 138]). М. Горький рассчитывает на внимательного читателя, способного понять сокровенное. Условием для извлечения «смысла» является истолкование. В роли читателя-интерпретатора в «Жизни Клима Самгина» выступает главный герой Самгин и десятки персонажей из интеллигентной среды, для которых чтение в прямом смысле слова является жизненно важным, насущным делом. Чтение книги и последующее ее истолкование – естественное занятие человека умственного труда. Книга, которую берет в руки читатель, побуждает, как минимум, ответить на вопрос: о чем это произведение? Понимание интертекстуальности проливает свет на природу состояния «переполненности» писателя – идеями, образами, которые он стремится поскорей запечатлеть на бумаге. Самгин не раз берется за написание неких работ, постоянно находится в поле интеллектуального напряжения, размышляя на актуальные темы. Можно предположить, что автор «Жизни Клима Самгина» передоверяет некоторые собственные мысли Самгину, который их развивает в пределах логики данного типа интеллигента.

⁴ Горький. Указ. соч. 1979. Т.12. С. 628

⁵ Там же. С. 5

В равной степени М. Горький может доверить важные для него как автора идеи и другим персонажам-интеллектуалам. Следовательно, философская концепция предстает в «Жизни Клима Самгина» не в одном мировосприятии (Самгина – наблюдателя и интерпретатора событий), но и многих других – в мировосприятии персонажей, ведущих диалоги с Самгиным в интеллигентной среде. Интересно сравнить состояние М. Горького, создателя масштабного произведения, с похожим состоянием Бальзака, описанным Андре Мальро («Бренный человек и литература» (1977); пер. Б. Нарумова): «Романы, вся библиотека прочитанных книг переполняют Бальзака ещё до того, как он найдёт предполагаемые образцы для своего Растиньяка» [12, с. 175]. Ранее понятие «библиотека» охарактеризовал Мишель Фуко: «... всё его богатство дожидается своего часа на бумаге <...> Воображаемое складывается не как противоположность реальной действительности, не как её отрицание или восполнение; оно растекается между знаками, из книги в книгу, проникает в промежутки между повторами и комментариями; рождается и формируется в межтекстовых зазорах. Это и есть феномен библиотеки» (Мишель Фуко. Фантастическая библиотека (1967) в пер. В. Лукасик) [12, с. 220].

Обратимся к тексту «Жизни Клима Самгина». Чаще всего исследователи берут за основу высказывание главного героя о том, что человек есть «система фраз», или некоторые другие, подобные формулы, каких немало в повествовании. Однако далеко не всем в наши дни известен горьковский девиз «Любите книгу – источник знаний». Персонажей в «Жизни Клима Самгина» никто не заставляет читать, герои утоляют духовный «голод» чтением, ежеминутно напряженно ищут ответы на различные вопросы, обмениваются мнениями о прочитанной статье (научной, газетной) или же философском труде и пр. В такие минуты Самгин переносит свое человеческое «содержание» в «оболочку» некой «книжки». М. Горький пишет: «Бывали минуты, когда Клима Самгина рассматривал себя как иллюстрированную книгу, картинки которой были одноцветны, разнообразно неприятны, а объяснения к ним, не удовлетворяя, будили грустное чувство сиротства»⁶. Эта цитата из второй части эпопеи относится к эпизоду приезда Самгина в Финляндию (часть Российской империи) к смертельно больному отцу (Клима попадает на его похороны). В этой трагической ситуации в герое не утрачивается постоянная способность внимательного аналитического наблюдения за происходящими событиями и, что важно для нашей темы, – за динамикой высказываемых идей окружающими собеседниками.

Как отмечалось, Клима Иванович соотносит реалии с собственным книжным знанием. Напомним, что во второй части Самгин – это студент, молодой человек, приехавший в «страну Юмала и Укко» из Санкт-Петербурга. М. Горький упоминает о политических волнениях: «*Университет, где настроение студентов становилось всё более мятежным, он стал посещать не часто...*»⁷. В поле зрения Самгина и его брата Дмитрия непременно присутствуют явления природы, культуры. В диалог братьев во время встречи в Финляндии вплетаются элементы из разных культурных текстов. Так, в начале первой поездки в памяти Самгина невольно всплывают готовые цитаты из прочитанного ранее о Финляндии: «... лишь из гимназического учебника да по какой-то книжке, из которой в памяти уцелела фраза: “Вот я в самом сердце безрадостной страны болот, озёр, бедных лесов, гранита и песка, в стране угрюмых пасынков суровой природы”»⁸. Как часто случается, путешественники заново открывают знакомый по книгам край. В этом открытии и есть смысл всякого путешествия, его цель. Не менее книжным человеком является и Дмитрий Самгин, который тоже, рассказывая о месте ссылки, Устюге, вместо личного впечатления о Мезени вплетает в речь книжные художественные образы: «... Мезень. Так себе – небольшое село, тысячи две людей. Море – Змей Мидгард, зажавший землю в кольце своём. Что оно Белое – это плохо придумано... И разные шалости, например, северное сияние»⁹. Змей Мидгард – «*религиозно-мифологический образ опоясывающего мир змея в древнескандинавской поэзии*»¹⁰. М. Горькому и его героям постоянное сравнение русской культуры со скандинавской необходимо для установления национальной идентичности: что есть русскость, в чем особенность русского национального характера, – все это высвечивается во множественности сопоставлений с иными национальными мирами.

В отличие от братьев Самгиных, финка Айно, молодая вдова ушедшего Ивана Самгина, весьма далека от книжности: «*Слабые люди очень дорого стоят и мешают. Когда у вас две мысли, – одна лишняя и вредная. У русских – десять мысли и все – не крепки. Птичий двор в головах, – так я думаю*»¹¹. В ходе повествования о Самгине, знакомящегося с Суоми, М. Горький применяет тот же

⁶ Горький М. 1979. Т. 12. С. 173

⁷ Там же. С. 148

⁸ Там же. С. 160

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 641.

¹¹ Там же. С. 165.

прием – вводит в повествование элемент другого текста – не напрямую, опосредованно. Это воспоминания Самгина-читателя о книге, которую в детстве подарила мать и заставила прочесть до конца – «Калевала» (стихи показались ребенку скучными). Взрослый Самгин иначе воспринимает финский эпос: *«И теперь сквозь хаос того, что он пережил, возникали эпические фигуры героев Суоми, борцов против Хаиси и Луохи, стихийных сил суровой природы, ее Орфея Вейнемейнена, сына Ильматар, которая тридцать лет носила его во чреве своем, веселого Лемникейна Бальдура финнов, Ильмаринена, сковавшего Сампо, сокровище страны»*¹².

Финский менталитет познается Самгиным во время его визитов с Айно в гости к ее друзьям: *«Да, здесь умеют жить»*¹³; *«гостеприимные и прямодушные люди»*. Финны хорошо знакомы с русской жизнью, русским искусством, но герою сразу бросается в глаза разница в восприятии мира. М. Горький выражает смысл этой разницы сквозь «зрение» Клима Ивановича: *«... но не обнаруживали русского пристрастия к спорам о наилучшем устройении мира, а страну свою знали, точно книгу стихов любимого поэта»*¹⁴. Как видим, книжность, проявляющая себя в повествовании в форме цитат, реминисценций, служит автору и его герою для более точного, адекватного суждения в ходе бесконечного анализа и комментария характеров людей и событий.

В Финляндии в мышлении людей не наблюдается склонности к утопизму, максимализму: ничего не говорится о политических «проектах». В возникшей «пустоте» (при отсутствии русских разговоров «за чаем») Клима Иванович чувствует себя легко: *«жил в непривычном ему приятном бездумье, мысли являлись не часто и, почти не волнуя, исчезали легко»*¹⁵. Лирическое расслабленное состояние ума могло бы порадовать, однако в самом начале приведенного нами выше абзаца в тексте есть образ, снижающий «счастье» бездумья: втор физиологизирует возвышенный настрой героя снижающим сравнением – он сравнивает запах финской лунной ночи с запахом близкой здоровой женщины)¹⁶.

Склонность к критиканству мешает искреннему общению с Дмитрием. Близкого человека Самгин так же оценивает – сквозь мир «библиотеки» – и это общение родных братьев, встретившихся после долгой разлуки. Слушая Дмитрия, Самгин ставит «оценку»: младший брат не справлялся с передачей «чужой речи»: *«... брат пытается воспроизвести характер чужой речи, и нашёл, что это не удаётся ему. «Бездарен он»*¹⁷. Окончательное суждение о переменах в брате формируется каждый раз шаблонно – через соотношение жизни с книжным «запасом» человека. М. Горький пишет: *«Климу приятно было чувствовать это, приятно убедиться ещё раз, что простая жизнь оказалась сильнее мудрых книг, поглощенных братом»*¹⁸.

1.3. Режим чтения «романа идей»

Учитывая пестроту суждений о жанре «Жизни Клима Самгина», полагаем, что в качестве жанровой константы следует принять энциклопедический характер личности повествователя и литературную образованность героя-интеллекта.

Масштаб повествования грандиозен в силу объема книги и «параметров» создаваемой писателем жанровой модели в ее сюжетно-композиционном воплощении. Во второй части мы находим все признаки «романа идей» [3, с. 50]. Предположение базируется на гипотезе И. К. Кузьмичёва: *«...определяющую роль играет художественный разум автора. Впервые это проявилось у него с силою необыкновенной в пьесе «На дне» – без начала и конца, а сами сцены как будто бы даже не связаны между собой. Но пьесу связывает авторская мысль»* [8, с. 56].

Диалоги в «Жизни Клима Самгина» – единственное условие и адекватная форма воплощения авторской мысли и реализации замысла М. Горького. «Смыслообразующей» называет функцию образа Самгина О. К. Оляндер: *«Эта функция заключалась в том, что Клима создавал диалогическое напряжение, возникающее в результате столкновения разных мировоззренческих позиций, внося присвоенные себе мысли людей, не входящих в посещаемые им салоны»* [11, с. 726]. Для ведения диалогов необходимо постоянное накопление книжных знаний. Так, когда Самгин готовится к встрече с заинтересовавшим его старичком-библиофилом Козловым, он рассчитывает встретить «книжни-

¹² Горький Указ. соч. 1979. Т. 12. С. 161.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 165.

¹⁸ Там же.

ка» в российской провинции, с которым мог бы беседовать на волнующие темы. После встречи с уникальным человеком мысль Самгина активизируется: среди ночи он просыпается и, желая привести в порядок «расползающиеся» мысли, начинает перебирать книги на полках шкафа. Последующее описание состояния Самгина, разбирающего книги в библиотеке, с трудом можно назвать реалистическим. Сцена напоминает скорее постмодернистский текст: в ночном мире библиотеки, среди знакомых книг, герой М. Горького не может найти «центр» (идентифицировать свою личность относительно «мира идей»), ищет «энергетической», интеллектуально подпитки.

Образ «библиотеки» рождается на основе развернутой метафоры. Приведем цитату полностью, так как в финале данной сцены содержится «фраза», которую Самгин сразу же включает в так называемую «систему фраз». М. Горький пишет: *«Самгин перестал разбирать книги и осторожно отошёл к окну <...> как будто опасался, что счастливая догадка ускользнёт от него. Но она, вдруг вспыхнув, как огонь в темноте, привлекла с поразительной быстротой необыкновенное обилие утешительных мыслей; они соскальзывали с полузабытых страниц прочитанных книг, они как бы давно уже носились вокруг, ожидая своего часа согласоваться. Час настал, и вот они, все одного порядка, одной окраски, закружились волнуя, обещая создать в душе прочный стержень уверенности в праве Клина Самгина быть совершенно независимым человеком. “Ни жрец, ни жертва, а – свободный человек!” – додумался он, как бы издали следя за быстрым потоком мысли»¹⁹*. Приведенный текст вызывает ассоциации с новыми направлениями изучения текста художественного произведения (первой трети XX и XXI вв.).

В работе Н. Пьеге-Гро есть антология, где приводится концепция Жюльена Грака: «Всякая книга отсылает к другим книгам. И, может быть, гений – не что иное, как наличие особых бактерий, тонкий химический процесс, происходящий в личности, благодаря которому новый дух вбирает в себя, преобразует и, в конце концов, воссоздаёт в неизвестной до этого форме – не мир в его первоизданности, а скорее неохватную литературную материю, которая существовала до него» (Почему литературе трудно дышать? (1960) в пер. В. Лукасик) [12, с. 213]. Образ «библиотеки» позволяет представить взаимодействие читателя-интерпретатора с «литературной материей» (Ж. Грак).

Самгин встречает «книжников» в каждой ситуации. Он общается с марксистом Кутузовым в среде интеллектуалов, которые вызывают в Кутузове иронию (народники с их революционной романтикой – перевернутая страница истории). Степану малоинтересны разговоры «за чаем», он требует скорейшей смены строя в России. Слово марксиста звучит убедительней иных речей. Опасные встречи приводят к столкновению Клина с властью. Во время обыска, первого в жизни Самгина, ротмистр Попов советует: *«Держитесь подальше от этих ловцов человеков, подальше. И – не бойтесь говорить правду»²⁰*. Здесь переосмыслен библеизм «ловцы человеков» (Евангелие от Матфея, гл.4, стих 19). Так называются апостолы или проповедники, приводящие людей к вере в Христа.

«Нервом» диалогов является вопрос о пути развития России в XX веке. Кутузов предлагает посетить социалиста Прейса. После колебаний Самгин соглашается, но ему нужно подготовиться. Подготовка – быстрое чтение социалистических новинок, разбор статей, идеи которых позволили бы «маневрировать» в дискуссии. Писатель вводит несобственно-прямую речь: *«Нет, он, конечно, пойдёт к Прейсу и покажет там, что он уже перерос возраст ученика и у него есть своя правда – правда человека, который хочет и может быть независимым»²¹*. Два дня Клима читал «специальную» литературу: *«внимательно просматривал подарок Козлова»*. Интерпретатор непременно заметит иронию автора в перечне источников: *«книгу Радищева, – лондонское издание Герцена в одном томе с сочинением князя Щербатова “О повреждении нравов в России”, – Данилевского “Россия и Европа”, антисоциалиста Ле-Бона “Социализм”, заглянул и в книжки Ницше. Это – всё, что было у него под рукою, но он почувствовал себя достаточно вооружённым и отправился к Прейсу»²²*.

Читателю предстоит решить – читать текст линейно либо обратиться к комментарию. Комментарий действительно проливает свет на «затемненные» места в тексте. К примеру, тезис Самгина *«...у него есть своя правда – правда человека, который хочет и может быть независимым»²³* – на проверку оказывается «системой фраз», а не системой взглядов, убеждений. Взгляды Самгина эклектичны (от Радищева, предвосхитившего *«наши мечты, мечты декабристов»* (Герцен) до екатерининского вельможи кн. Щербатова, который *«дошёл до славянофильской точки зрения»* (Герцен); Н. Я. Данилевский: *«углубление консервативных сторон славянофильства»*). Наконец, Гюстав Лебон,

¹⁹ Горький М Указ. соч. 1979. Т.12. С. 46.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Там же. С. 99.

²² Там же.

²³ Там же.

современник М. Горького («Народ для него – бессознательная толпа <...> «раболепное стадо»²⁴. Фраза «заглянуть в книжки Ницше» комментируется так: «... в проповедниках [социализма – М. Б.] Ницше видел “апостолов чандалы”, подрывающих чувство удовлетворённости рабочего с его маленьким бытием, – делающих его завистливым»²⁵. Книга Ф. Ницше «Антихрист» есть в личной библиотеке Горького, цитируемые строки подчеркнуты им»²⁶.

Книжность – это черта сознания молодежи в стремлении не отстать от прогресса. Например, в свободное время, во время костюмированной вечеринки у богатейшего человека – Лютова, на которой ради благотворительных целей собрался широкий круг знакомых, гости выбирают для карнавального образа литературного персонажа. Среди общего веселья, танцев и хорового пения неестественно звучит вопрос Лютова, обращенный к гостям: «– Ну-с, а вы как бы ответили Понтию Пилату? Христос не решился сказать: «Аз есмь истина», а вы – вы сказали бы?»²⁷. На вечеринке две трети гостей – это будущие знаменитости, интеллектуальная элита, аристократы, театральная богема. Интеллигентная среда в общении не отделена от аристократии.

Читатель-интерпретатор непременно отметит, что Самгин, как и сам писатель М. Горький, всегда очень внимателен к изображению явлений, примеров русского искусства. При этом прекрасно знает и европейское искусство (на эту тему см. работу Никё М. «Экфрасис в “Жизни Клима Самгина” Горького» [10]). Так, в интеллигентной среде всегда звучит русская народная песня. Вторая часть начинается с размышлений, впечатлений о выступлении сказительницы Федосовой на «выставке всероссийского труда» в Нижнем Новгороде: «Всё-таки выходило как-то так, что наиболее сильное впечатление на выставке всероссийского труда вызвала у него кривобокая старушка»²⁸. Авторство многих поэтических строчек, текстов песен в повествовании «Жизнь Клима Самгина» принадлежат М. Горькому (хотя произносят их разные персонажи). Подобный опыт написания песен у писателя был и до эпопеи. В 1959 г. автор пояснительных статей к изданию старинных русских песен, Л. Шувалова написала о тексте песни «Солнце всходит и заходит»:

*Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Днём и ночью часовые
Стерегут моё окно...²⁹*

Предполагают, что автор этой песни М. Горький. Песня получила широкое распространение после первой постановки пьесы «На дне». Возможно, что Горький как хороший знаток народных песен лишь включил в свою пьесу известную ему народную песню. С. Дурылин, историк театра, вспоминает, как в 1902 г. после первой постановки пьесы «На дне» молодёжь с увлечением пела песню «Солнце всходит и заходит», вкладывая в нее бунтарское содержание³⁰. Во время общения в гостях у Лютова русские народные песни поют специально приглашенные исполнители-профессионалы и простая сельская учительница, которая «высочайшим голосом» выводит: «Я ли во поле не травушка была?»³¹.

Интерпретируя текст повествования М. Горького, мы обнаруживаем важные для писателя «смыслы», которые он настойчиво «транслирует» в каждой ситуации диалога, многоголосья: голоса персонажей-интеллигентов сливаются с голосами людей из «народной среды», что особенно хорошо видно в сценах хорового исполнения русских песен. С трудом верится, что на рубеже XIX–XX веков русская интеллигенция, больная декадентством, духовно саморазрушается, как и западноевропейская. Современный читатель-интерпретатор вряд ли сможет безоговорочно поверить критикам романа «Жизнь Клима Самгина» советского и постсоветского времени, что главный герой Самгин – «пустой» тип, несамостоятельная личность и подобное. У читателя есть собственное зрение. Однако сама проблема интеллигента самгинского типа остается одной из актуальных в горьковедении.

Мы можем говорить о воплощении образа «библиотеки» и в самом широком смысле – храни-

²⁴ Горький М Указ. соч. 1979. Т. 12. С. 635.

²⁵ Ницше Ф. Антихрист / пер. Н. Н. Полилова. СПб.: Книгоиздательство «Прометей»; Типо-лит. «Энергия», 1907. С. 141.

²⁶ Горький М Указ. соч. 1979. Т. 12. С. 635.

²⁷ Там же. С. 229.

²⁸ Там же. С. 5.

²⁹ Старинные русские песни. / сост., вступ. ст. и примечания Л. Шуваловой. М.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1959. С. 100.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 229.

лице всего культурного наследия современной цивилизации, память культуры. Роль русской интеллигенции состоит в сохранении национального культурного достояния, в том числе и «библиотеки» как литературной памяти.

Заключение

Таким образом, проблема «режима чтения» эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина» является актуальной в современном горьковедении. Прочтение и осмысление этого произведения требует от интерпретатора значительной начитанности, в той степени, которая была свойственна образованному человеку интеллигентного круга в начале XX века. Анализ «режима чтения» подтверждает идеи «диалогизма» (М. Бахтин), в их связи с новейшими разработками гуманитарной эпистемологии (о смысле речи, понимании диалога).

Режим чтения «Жизни Клима Самгина» требует ведения диалога от читателя-интерпретатора – в его направленности к тем знаниям, которые накоплены в «литературной материи»: иудео-христианской культуры, греческой языческой, славянской языческой, истории искусства, мировой художественной литературы, истории русской литературы, в том числе современной главному герою Климу Самгину и современной М. Горькому, работавшему над итоговой книгой с 1927 по 1936 годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бедрикова М. Л. Роман К. Федина «Города и годы» в свете проблематики русской прозы 1920-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 2. С. 72–78.
3. Бедрикова М. Л. О миссии поколения русской интеллигенции конца XIX–начала XX вв. (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») // *Libri Magistri*. Актуальные проблемы филологии. Вып.1(11). 2020. С. 45–61.
4. Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // М. Горький. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 3–74.
5. Гавриш Т. Р. Повесть или роман? (К вопросу о жанре «Жизнь Клима Самгина») // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб: РХГА, 2018. С. 795–804.
6. Гурфинкель Н. Самгин Клим / Большая энциклопедия литературных героев: В 4 т. Т.4. Р–Я / под ред. М. Глобачёва. М.: ТЕРРА-Книжный Клуб, 2001. С.81.
7. Конюшенко Е. И. Горький миф XX века (заметки и размышления о Максиме Горьком) // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб: РХГА, 2018. С.90–123.
8. Кузьмичёв И. К. В художественном мире Максима Горького // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. С. 47–56.
9. Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб: РХГА, 2018. 880 с.
10. Никё М. Экфрасис в «Жизни Клима Самгина» Горького // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. С. 790–794.
11. Оляндер Л. К. Горьковская художественно-философская модель русской жизни в романе «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. С. 719–728.
12. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. под общ. ред и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
13. Фаритов В. Т. Воля к власти и субъект в художественной прозе М. Горького (ницшеанские мотивы в повести «Жизнь Клима Самгина») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 62–277.

M. L. Bedrikova (Magnitogorsk, Russia)

THE STORY BY M. GORKY «THE LIFE OF KLIM SAMGHIN»: THE READING MODE

Abstract. The article is devoted to current problem of Russian literary criticism at the turn of the 20th – 21st centuries – the contemporary reading of “The Life of Klim Samgin” by M. Gorky, a final work of the Russian literature classic of the XX century. The object of analysis is epic by M. Gorky, created by the writer in 1927–1936ss. The analysis is being carried out through the prism of a new reading of the story “The Life of Klim Samghin (Forty Years)”. The reconstruction of “course of Russian history” allowed the writer to depict and comprehend the Russian world at the turn

of the XIX and XX centuries. This task demanded a new writing strategy from M. Gorky. The author of this article hypothesizes: the reflecting type of hero (Samgin) dictated certain conditions to the writer, including a special way of narration and principles of the textual organization of the epic "The Life of Klim Samgin". The booklore, extraordinary richness of narrative with intertextual techniques (quotes, reminiscences, allusions, etc.) are noteworthy. Besides the epic plot about the revolutionary era, there is a base text in the variety of plot lines, - a grandiose "building" from many texts of the previous world literature. The "intertextual" field is a "book stream": from the ancient literary monuments (the ancient Russian annals, literary monuments, the Finnish epos "Kalevala", the Russian folklore, modern storytellers (Fedosova) to the Western European poetry and philosophical works at the turn of the XIX-XX centuries. The foregoing made it necessary to research the problem that we designated as the "reading mode" of the epic "The Life of Klim Samgin". Methodology of this article: the author uses a complex of biographic, historical, literary and typological methods in combination with methods for studying intertextual connections.

Keywords: Russian literature, the XX century, M. Gorky, a epic, «The Life of Klim Samgin», intertextuality.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, 504 p.
2. Bedrikova M. L. Roman K. Fedina «Goroda i gody» v svete problematiki russkoi prozy 1920-kh gg., *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2017, vol. 1, no. 2, pp. 72–78.
3. Bedrikova M. L. O missii pokoleniya russkoi intelligentsii kontsa XIX–nachala XX vv. (M. Gor'kii «Zhizn' Klime Samgina»), *Libri Magistri*, vol. 1(11), 2020, pp. 45–61.
4. Vainberg I. Gor'kii, znakomyi i neznakomyi, M. Gor'kii. *Nesvoevremennye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture*, Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, pp. 3–74.
5. Gavrish T. R. *Povest' ili roman? (K voprosu o zhanre «Zhizn' Klime Samgina»)», Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva, Saint Petersburg, RKhGA, 2018, pp. 795–804.*
6. Gurfinkel' N. *Samgin Klim, Bol'shaya entsiklopediya literaturnykh geroev, v 4 tt. T. 4. R–Ya / pod red. M. Globacheva, Moscow, TERRA-Knizhnyi Klub, 2001, p.81.*
7. Konyushenko E. I. Gor'kii mif KhKh veka (zametki i razmyshleniya o Maksime Gor'kom), *Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva, Saint Petersburg, RKhGA, 2018, pp. 90–123.*
8. Kuz'michev I. K. *V khudozhestvennom mire Maksima Gor'kogo, Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva. Saint Petersburg, RKhGA, 2018, pp. 47–56.*
9. *Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva, Saint Petersburg, RKhGA, 2018, 880 p.*
10. Nike M. *Ekfrasis v «Zhizni Klime Samgina» Gor'kogo, Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva, Saint Petersburg, RKhGA, 2018, pp. 790–794.*
11. Olyander L. K. *Gor'kovskaya khudozhestvenno-filosofskaya model' russkoi zhizni v romane «Zhizn' Klime Samgina», Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremenniy diskurs / sost. O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva, Saint Petersburg, RKhGA, 2018, pp. 719–728.*
12. P'ege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti / per. s fr. pod obshch. red i vstup. st. G. K. Kosikova, Moscow, Izdatel'stvo LKI, 2008, 240 p.*
13. Faritov V. T. *Volya k vlasti i sub'ekt v khudozhestvennoi proze M. Gor'kogo (nitssheanskii motivy v povesti «Zhizn' Klime Samgina»), Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology], 2019, no. 62, pp. 62–277.*

Бедрикова М. Л. Повествование М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: режим чтения // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4. № 3. С.45–54.

Bedrikova M. L. The story by M. Gorky «The life of klim samghin»: the reading mode, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2020, vol. 4, no. 3, pp. 45–54.

Дата поступления статьи – 09.07.2020; 1,1 печ. л.

Сведения об авторах

Бедрикова Майя Леонидовна - доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск; mlbedrikova@gmail.com.

Author:

Maya L. Bedrikova, Docent, Candidate of Philological Sciences, Docent of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mlbedrikova@gmail.com.